

Аббаддонна. Сочинение Николая Полевого. Издание второе

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 -- февраль 1841.

Подготовка текста В. Э. Богграда.

М., "Художественная литература", 1976

[OCR Бычков М. Н.](#)

АББАДДОННА. Сочинение Николая Полевого. Издание второе. Санкт-Петербург. 1840. Печатано в типографии Конрада Вингебера. Четыре части. В 12-ю д. л. В I-й части 207, во II-й -- 206, в III-й -- 179, в IV-й -- 200 стр.

Ба! старые знакомые! Добро пожаловать! Давно ли, подумаешь, а уж сколько воды утекло, сколько событий сменилось! Знакомые -- а смотрят друг на друга дико; друзья -- а не знают, как и о чем говорить друг с другом... Знаете ли, на кого похож, в отношении к публике, роман г. Полевого, явившийся вторым изданием через пять лет после первого появления на свет? ¹ -- На доброго, простодушного помещика, который, прожив в деревне лет тридцать, народив кучу детей и посев в капитанском чине, вдруг приезжает по делам в столицу и идет навестить своих прежних товарищей по воспитанию и службе; но увы! куда ни придет он с распростертыми дланями, с радушною улыбкою, -- везде принимают его холодно, с удивлением и, провожая, громко наказывают человеку говорить "дома нет". Добряк в отчаянии, не понимая того, что бывшие его друзья уже успели нажить себе новых друзей и из повес и шалунов успели сделаться людьми рассудительными, солидными, людьми *comme il faut*. {порядочными (*франц.*). -- *Ред.*} Пять лет в русской литературе -- да это все равно, что пятьдесят в жизни иного человека! Самым разительным доказательством этой грустной истины может служить почтенный автор "Аббаддонны". В 1835 году издал он этот роман, то есть через два или три года после "Клятвы при гробе господнем" ², и, таким образом, двумя романами, из записного историка явился записным романистом, хотя и тут не изменил своей натуре -- оставлять дело без конца, ибо "Аббаддонна" до сих пор еще не кончена, так же как и знаменитая "История русского народа" и "Русская история для детей" ³. Итак, в 1835 году г. Полевой был уже не историк, а романист. Но вот проходит еще пять лет, -- он уже и не романист, а переделыватель Шекспира ⁴, трагик, комик, водевилист... Мимоходом, в это время, он успел *покончить* журнал и *приняться* за другой...⁵ И потому, повторяем: должно ли удивляться, что та же самая публика, которая очень радушно приняла "Аббаддонну" в 1835 году, теперь велит ей говорить "дома нет"?..

Г-н Полевой хотел выразить в своем романе идею противоречия поэзии с прозою жизни. Для этого он представил молодого поэта в борьбе с сухим, эгоистическим и прозаическим обществом: -- мысль, которая никогда не состареется, если только будет являться в новых формах. Но формы г. Полевого восходят гораздо за 1835 год. Во-первых, его поэт, этот Рейхенбах, есть то, что немцы называют *прекрасною душою* (*schone Seele*). У нас пытались некогда ввести это понятие под странным словом "прекраснодушие", которое только насмешило всех. Здесь мы пользуемся случаем объяснить значение немецкого *Schonseeligkeit*, {прекраснодушие (*нем.*). -- *Ред.*} -- тем более что роман г. Полевого даст нам для этого все средства. Слова "прекрасная душа" имели у немцев, как и у всех добрых людей, то благородное и похвальное значение, которое имеют они до сих пор у нас; но теперь они у немцев употребляются как выражение чего-то комического, смешного. Так точно у нас еще недавно слова "чувствительность" и "чувствительный" употреблялись для отличия людей с чувством и душою от людей грубых, животных, лишенных души и чувства; следовательно, они употреблялись в благородном и похвальном значении; а теперь эти слова употребляются у нас для выражения слабого, расплывающегося, растленного и приторного чувства. Выражение "прекрасная душа", чрез диалектическое развитие во времени, получило теперь у немцев значение чего-то доброго, теплого, но вместе с тем детского, бессильного, фразерского и смешного. Рейхенбах г. Полевого есть полный представитель такой "прекрасной души", -- и он тем смешнее, что почтенный сочинитель нисколько не думал издеваться над ним, но от чистого сердца убежден, что представил нам в своем Рейхенбахе истинного поэта, душу глубокую, пламенную, могучую. И потому его Рейхенбах есть что-то уродливое, смешное, не образ и не фигура, а какая-то каракулька, начерченная на серой и толстой бумаге дурно